

Н.В. Чеканова

К проблеме перехода от Республики к Империи: революция или реформа?

Проблема падения Римской республики и перехода к Империи в историографии нового времени, начиная с середины XIX в., является объектом пристального внимания. Сегодня можно говорить о двух определяющих подходах к исследованию этой проблемы, совершенно противоположно трактующих события второй половины II–I вв.¹: революционном и неревolutionионном (реформационном).

Концепция революционного характера перехода от Республики к Империи идет от Т. Моммзена, который считал, что начало революции в Риме было положено выступлением братьев Гракхов, и она завершилась установлением «монархии Цезаря»². По сути своей это была реакция широких демократических слоев против господства сената, превратившегося к середине II в. в замкнутую корпорацию. По движущим силам это была демократическая революция, имевшая, однако, в себе некую монархическую основу. Во главе римской революции стояли, по мнению Т. Моммзена, такие истинные демократы как Гракхи, Марий, Сульпиций, Цинна³. В целом концепция Т. Моммзена получила широкое признание в антиковедении и вызвала множество откликов — вариаций и

---

¹ Здесь и далее до н. э.

² Проблема связи революции и роста авторитарных тенденций политической власти — предмет многих размышлений. Библиографию см.: Revolutionists. A Comprehensive Guide to the Literature / Ed. by Blackey R. Oxford, 1982.

³ Моммзен Т. История Рима. 2-е изд. Т. 2–3. СПб., 1994. Passim.

подражаний⁴. Так, Г. Ферреро, придерживаясь общего моммзеновского принципа о демократическом характере римской революции, принципиально иначе определял ее хронологические рамки, итоги, в качестве носителей революционно-демократических идей называл других политических лидеров. Он считал, что римская революция завершилась лишь в эпоху Августа и не утверждением новой политической системы, а истинным восстановлением Республики⁵.

Среди отечественных исследователей концепцию революционного перехода от Республики к Империи принципиально и настойчиво развивал М.И. Ростовцев. Причем он сам подчеркивал, что такой взгляд на историю Поздней римской республики был навеян лично пережитыми событиями. Этим, по-видимому, можно объяснить некоторую парадоксальность предложенного им взгляда на сущность римской революции: ее содержанием был «переход крестьянского государства, управляемого земельной аристократией, к олигархическому правлению знатных родов»; однако основной движущей силой был «вооруженный пролетариат» – римская армия⁶.

Особый вариант революционной концепции представлен в работе Р. Сайма, в которой дана принципиальная оценка перехода Рима от Республики к Империи. Эпохой революции Р. Сайм считал вторую половину I в. и вплоть до смерти Августа; наиболее существенный фактор ее развития видел в борьбе аристократических кланов за власть, богатство и славу; истинным революционным вождем счи-

---

⁴ См. например: Bloch G., Carcopino J. Histoire Romaine. La Republique Romaine de 133 a 44 avant J.-C. Des Gracques a Sulla. Paris, 1935. P. 169; Gelzer M. Das erste Consulat des Pompeius und die Uebertragung der grossen Imperien // Kleine Schriften. Wiesbaden, 1963. Bd. 2. S.146–189; Дюрант В. Цезарь и Христос / Пер.с англ. В.В. Федорина. М., 1995. С. 127–228.

⁵ Ферреро Г. Величие и падение Рима. Т. 2. М., 1916. С. IV; Т. 3. М., 1916. С. 339–431.

⁶ Ростовцев М.И. Рождение Римской империи. Пг., 1918. С. 14, 21–43, 72–100; Rostovtzeff M. Gesellschaft und Wirtschaft im römischen Kaiserreich. Bd. 1. Leipzig, 1929. S. 19–32.

тал не Цезаря — «реалиста и оппортуниста», а Августа. Р. Сайм указывал при этом на тесную взаимосвязь трансформации состава правящей римской олигархии и трансформации государственно-политической системы Рима⁷. В западноевропейской историографии в связи с общим интересом к роли аристократической личности концепция Р. Сайма получила широкое признание. В духе этой концепции рассматривает, например, события позднереспубликанской истории Рима Дж. Норт. Он не считает возможным говорить ни о важных экономических трансформациях, ни о глубоком социальном перевороте. Главную роль в развивающейся римской революции Дж. Норт отводит аристократии: один и тот же земледельческий класс был и при Республике, и при Империи. Однако в отличие от Р. Сайма он иначе оценивает историческую роль Октавиана Августа, который, по его мнению, не был продолжателем социальной революции последних лет Республики; напротив, был основателем противоположного контрреволюционного движения и в этом смысле был «Наполеоном для Римской республики»⁸. Об аристократическом характере римской революции, правда, в связи с совершенно иными событиями, иным периодом и иными задачами говорил Р. Ю. Виппер. «Аристократической революцией» он называл реакцию римской аристократии на законодательные инициативы братьев Гракхов (120–111 гг.)⁹.

⁷ Syme R. *The Roman Revolution*. Oxford, 1939. P. 11–24; 52–59. В западноевропейской историографии концепция аристократического характера социальных революций, безусловно, имеет публицистический характер и идет от теории А. Токвиля и П. Сорокина, которые считали, что «революции делаются не голодными людьми, а теми, кто не пообедал один раз»; они возникают в периоды быстрого развития общества, при котором традиционные привилегированные группы испытывают дискомфорт и становятся деструктивным элементом. См.: Токвиль А. *Старый порядок и революция*. Пг., 1918; Sorokin P. A. *The Sociology of Revolution*. L., 1924.

⁸ North J. A. *The Roman Counter – Revolution* // JRS. 1989. Vol. 79. P. 151–156.

⁹ Виппер Р.Ю. *Очерки истории Римской империи*. Берлин, 1923. С. 73–75.

В целом концепция римской революции оказалась чрезвычайно популярной в историографии. Однако следует заметить, что начиная с Т. Моммзена и до сегодняшнего дня она не получила четкого концептуального выражения: ее сторонники не смогли выработать единых подходов к таким аспектам проблемы, как хронологические рамки, задачи, цели, основные движущие силы и результаты. Широкое толкование термина «революция» и часто некритичное его применение к событиям римской истории II–I вв. делает концепцию революционного перехода от Республики к Империи рыхлой, а порой откровенно публицистичной. Уже в начале XX в. нашей эры она была подвергнута критике и, прежде всего, со стороны марксистской советской исторической науки¹⁰. В результате в рамках все той же революционной концепции возникли два новых подхода к проблеме.

Не считая возможным использовать широкое толкование термина «революция» и определяя существо революционных преобразований как «перерыв постепенности», некий «качественный скачок» в развитии того или иного общества, некоторые исследователи обратились к более мягкой трактовке тех изменений и социально-политических конфликтов, которые растянулись в Риме почти на 100 лет и, в конечном счете, привели к падению Республики: не как революции, а как мощного, длительного, сложного революционного движения, являвшего собой несколько мощных революционных взрывов. Среди западноевропейских историков с подобными оценками выступил Е. Корнеманн¹¹, в отечественном антиковедении – С. И. Ковалев. Так, С.И. Ковалев, пересмотрев отчасти концепцию римской революции как «революции рабов», которой он первоначально придер-

---

¹⁰ Утченко С.Л. 1) Становление Римской империи и проблема социальной революции // ВИ. 1964. № 7. С. 106–118; 2) Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 24; Штарман Е.М. Проблема падения Римской республики в советской историографии // ВИ. 1966. № 3. С.83–93.

¹¹ Kornemann E. Römische Geschichte. Bd. 1. Stuttgart, 1938.

живался¹², в целом, по-прежнему опирался на марксистско-ленинское толкование и понимание термина «революция», как вооруженного захвата власти с целью замены одного способа производства другим. При этом он утверждал, что социальное движение в период восходящего развития формации, даже если оно направлено против этой формации, не может считаться революцией¹³. В истории древнего Рима подлинной революцией, по его мнению, была «революция рабов и колонов» в эпоху поздней Империи. События II–I вв. С. И. Ковалев представлял как широкое демократическое по своим движущим силам революционное движение, точнее – как «несколько крупных взрывов революционного движения», которое, однако, не могло перерасти в революцию; установление же военных диктатур I в. и переход к системе Империи был контрреволюцией¹⁴.

Подобный взгляд упрощал проблему перехода Рима от Республики к Империи, лишал ее основного методологического звена исторической концепции – сословного содержания римской революции. В результате в ряде исследований, особенно в последнее время, понятие «революция» вообще приобрело метафорический характер. Так, А. Хойс считает, что римская революция не имела ни сознательно поставленной цели, ни определенных

---

¹² Крайнее выражение этой концепции можно обнаружить в работах А. В. Мишулина и В. Н. Дьякова, когда любой социально-политический конфликт, будь то выступления в римских провинциях, Нумантинская война или даже III Пуническая война, оценивался как отголосок революционных настроений рабов, рабы рассматривались как инициаторы и катализаторы народно-освободительных движений в Риме, направленных в конечном счете на уничтожение рабовладельческого способа производства. См.: Мишулин А. В. Спартакосское восстание. М., 1936. С. 181; Ковалев С.И. История античного общества. Эллинизм. Рим. Л., 1936. С. 164–165, 222–225; История древнего мира / Под ред. В.Н. Дьякова и Н. М. Никольского. М., 1952. С. 527–610.

¹³ Ковалев С.И. История Рима. 2-е изд. Л., 1986. С.324.

¹⁴ Ковалев С.И. 1) Две проблемы римской истории // ВДИ. 1947. № 4. С. 96; 2) История Рима... С. 324–325, 364, 399–409.

движущих сил: аграрная программа Гракхов была демократической по форме, консервативной по существу и имела своей целью реставрацию римских общинных отношений; сулланская конституция, аристократическая по своему духу, должна была восстановить и укрепить сенатскую Республику; Цезарь стремился к собственному возвышению¹⁵. Об отсутствии единых социально-экономических, политических и духовных установок в римском обществе, следовательно, о «размытом» характере социальных выступлений говорят Р. Смит и Ф. Коуэлл¹⁶. Карл Крист, определяя события 133–30 гг. как эпоху римской революции – «*Römisches Revolutionszeitalter*», имеет, тем не менее, в виду не резкое столкновение сословно-классовых интересов, а перманентный кризис Римской республики, развивавшийся в течение ста лет и проявлявшийся в дезинтеграции экономической, социальной и политической жизни римского общества¹⁷. Некоторые исследователи вообще пытаются отойти от термина «революция» и определяют переход от Республики к Империи как «общественный переворот»¹⁸.

Особый взгляд на проблему римской революции высказал С.Л. Утченко. С одной стороны, он выступил с критикой упрощенных подходов к данной проблеме; с другой – принципиально отверг идею реформационного характера перехода от Республики к Империи; наконец – предложил собственное определение характера и существа событий II–I вв. как «социальной революции», осуществленной в рамках единой общественно-экономи-

---

¹⁵ Heuss A. 1) *Der Untergang der römischen Republik und das Problem der Revolution* // HZ. 1956. № 182. S. 1–28; 2) *Das Revolutionsproblem im Spiegel der antiken Geschichte* // HZ. 1973. № 216. S. 1–72.

¹⁶ Smit R. *The Failure of the Roman Republic*. Cambridge, 1955; Kauell F. R. *Cicero and the Roman Republic*. L., 1956.

¹⁷ Christ K. *Geschichte der Römischen Kaiserzeit (von Augustus bis zu Konstantin)*. 2 Aufl. München, 1992. S. 2, 11.

¹⁸ См., например: Ранович А.Б. *Восточные провинции Римской империи в I–III вв.* М.; Л., 1949. С. 7.

ческой формации. По мнению С.Л. Утченко, это была демократическая революция против Рима-полиса, против «староримской аристократии, против крупного землевладения, ... борьба италийского крестьянства за землю и политические права»¹⁹. Она развивалась условно в период 146–88 гг., ее кульминационным пунктом была Союзническая война, превратившая Рим из полиса в федеративное государство с единой территорией и единым гражданством, движущими силами – социальные элементы, несущие неполисные традиции. Все последующие события, с точки зрения С.Л. Утченко, имели контрреволюционный характер, и установление принципата Августа означало по существу реакцию нобилитета на широкое революционное антиполисное движение²⁰.

Сторонники неревolutionной (реформационной) концепции перехода Рима от Республики к Империи принципиально иначе рассматривают события второй половины II–I вв. Состояние римского общества и государства они определяют как «кризис», «трансформация», «процесс обновления», «симптомы адаптации», «переходность», «палингенез» и т.п. Однако, так или иначе, за этими различными определениями стоит сходное понимание исторической ситуации: кардинальные структурные изменения во всех сферах республиканской жизни при одновременном нарождении новых структурных элементов. Именно так оценивал характер диктатуры Цезаря и положение Помпея Эд. Мейер. Он подчеркивал различие государственно-правовых форм их власти, но видел в них два варианта развития одного процесса – становления единовластия в Риме с той лишь разницей, что диктатура Цезаря была аналогом эллинистической монархии, а сложившаяся в Риме Империя в форме принципата – воплощением и развитием политических идеа-

---

¹⁹ Утченко С.Л. 1) Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969. С. 27; 2) Цицерон и его время. 2-е изд. М., 1986. С. 6.

²⁰ Утченко С.Л. 1) Древний Рим... С. 7, 25–26, 28; 2) Цицерон... С. 6, 95–98.

лов и политической практики Цицерона и Помпея²¹. В целом систему принципата он рассматривал как трансформированную в результате реформ форму Республики²². Л. Виккерт видел в системе принципата Августа результат развития элементов, имманентно присущих римскому обществу, его правовой системе и политическим традициям. В самом понятии *principes* он выделял исконно римскую идею первенства авторитетных римских политиков²³. Хр. Мейер отмечал, что в основе процесса падения Римской республики лежали постепенные важнейшие изменения римской общественно-политической системы, а существо перехода к Империи расценивал как процесс постепенной реконструкции Республики²⁴. Чрезвычайно ярко и образно определил суть проблемы В. Эдер: дело не в смене одной формы правления другой, а в «сползании, едва различимом переходе к системе, в которой чисто республиканский принцип – формирование социальной и политической власти, основанной на персональных взаимоотношениях и зависимостях, – дошел до крайности»²⁵.

В отечественном антиковедении принципиальным противником революционной концепции был Н.А. Машкин. Он считал, что революция – переворот, вносящий в общественную жизнь качественные изменения и устанавливающий новые отношения. Поскольку римские политики не ставили принципиально перед собой и перед обществом таких задач, вряд ли их деятельность и

²¹ Meyer Ed. *Caesars Monarchie und das Prinzipat des Pompejus*. Stuttgart, Berlin, 1922. Passim.

²² Meyer Ed. *Römischer Staat und Staatsgedanke*. 2 Aufl. Zürich, 1964. S.370.

²³ Wickert L. 1) *Principes (civitatis)* // RE. Bd. 22. Hbbd. 44. Sp. 2006–2014; 2) *Neue Forschungen zum Römischen Prinzipat* // ANRW. Tl.2. Bd.1. Berlin, N.Y., 1975. S.3–76.

²⁴ Meier Chr. *Res publica amissa: Eine Studie zu Verfassung und Geschichte der späten Römischen Republik*. Wiesbaden, 1966. S. 4.

²⁵ Eder W. *Augustus and the power of tradition // Between Republic and Empire*. Oxford, 1990. P. 71–122.

события с нею связанные можно, по мнению Н.А. Машкина, считать революцией²⁶. О постепенной трансформации Римской республики в Империю, правда, не дефинируя процесс ни как революцию, ни как реформу, говорили В.С. Сергеев, А.Б. Егоров, А.В. Игнатенко, Я.Ю. Межерицкий и др. Главный их аргумент в том, что в самой республиканской системе, какой бы аспект социально-экономической, политической и духовной жизни ни рассматривать, была заложена возможность подобной трансформации и предпринимаемые римскими политиками реформы усугубляли ситуацию²⁷.

Таким образом, проблема характера перехода Рима от Республики к Империи является сложнейшей проблемой римской истории. Она поднимается во многих работах. Порой высказанные оценки принимают злободневно публицистический характер, чаще – строго научный; одни выглядят легковесными, другие – фундированными; одни развивают традиционный взгляд на римскую историю, другие – парадоксальный.

Революционная концепция представляется рыхлой, не имеет единых критериев. Ее сторонники расходятся в вопросах хронологии, существа, характера, основных движущих сил и целей революционного движения. Подбор фактов, которые, по мнению исследователей, должны продемонстрировать революционный характер ситуации, различный. В конечном итоге всякое социальное движение II–I вв. классифицируется как революция. Более того, исследователи часто признают постепенность, перманентность переходного (кризисного) состояния

---

²⁶ Машкин Н.А. Принципат Августа. М., 1949. С. 294–296.

²⁷ Сергеев В.С. 1) Эпоха военных диктатур // Борьба классов. 1936. № 8. С.85–97; 2) Второй триумвират и падение Римской республики // Исторический журнал. 1937. № 9. С. 63–76; Егоров А.Б. Рим на грани эпох. Л., 1985; Игнатенко А.В. Древний Рим. От военной демократии к военной диктатуре. Свердловск, 1986; Межерицкий Я.Ю. «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М., Калуга, 1994.

римского общества. М.И. Ростовцев считал I в. переходной эпохой, суть которой состояла в вырождении древнего города-государства и росте новой системы – монархии. При этом в деятельности Августа он не видел ничего революционного, его заслугой считал искусное сочетание элементов власти, уже использованных предшественниками. С.Л. Утченко, несмотря на принципиальную приверженность концепции «социальной революции», вынужден был отметить, что события периода Поздней республики – звенья одной цепи, единого длительного, сложного и противоречивого процесса. Насколько «неустойчивой» может казаться концепция римской революции, демонстрирует статья Б. Зухольд. Исходя в целом из марксистского понимания исторического развития и классифицируя вслед за С.Л. Утченко ситуацию второй половины II – начала I вв. как «социальную революцию в границах одной общественной формации», она тем не менее видит суть перехода от Республики к Империи в постепенном разрушении античной общины и считает, что объективно этот процесс имел эволюционный характер²⁸.

Концепция неревolutionного (реформационного) характера перехода от Республики к Империи выглядит более однородной. Ее сторонники представляют суть и принципиальное значение исторического развития Рима в том, что он постепенно превратился из общины в мировую территориальную державу. Это вызвало дезинтеграцию всех структурообразующих республиканских систем. Аграрное движение Гракхов, восстания рабов, грандиозное выступление италиков, возмущения городской бедноты, поддерживавшей Катилину, Клодия и других демагогов, непрекращавшиеся волнения в римской провинциальной периферии, противостояние политических группировок в сенате и народном собрании, пере-

---

²⁸ Zuchold B. Zum Problem Evolution oder Revolution in der späten römischen Republik // *Klio*. 1979. Bd. 61. Hf.2. S.593–596.

росшее в личную борьбу отдельных честолюбцев за власть, с одной стороны, были факторами проявления этой дезинтеграции; с другой – демонстрировали необходимость осуществления широкого круга социокультурных реформ. При этом одни римские политики (Гракхи, Сулла) пытались приспособить римскую норму к сложившейся римской действительности, другие (Помпей, Цезарь и даже Октавиан Август до 30 г.) пытались реализовать уже намеченные тенденции. Однако, представляя процесс трансформации Римской республики в Империю как серию реформ, сторонники этой концепции часто вынуждены признать революционный характер методов и решений, к которым прибегали римские политические лидеры.

Таким образом, исследователи, придерживающиеся революционной или, напротив, неревolutionной (реформационной) концепции перехода Рима от Республики к Империи исходят в своих рассуждениях из различных методологических оснований. Первые считают, что развитие Поздней римской республики осуществлялось скачкообразно при сильнейшем влиянии субъективных факторов, волевого импульса. Вторые говорят о постепенной трансформации Рима-полиса в державу, Республики в Империю на основе постепенного накопления и развития объективных факторов, хотя и с достаточной степенью решительности, что, в конечном счете, обеспечило переход из одного качественного состояния в другое. Однако суть данной историографической проблемы состоит еще и в том, что историки по-разному определяют само понятие «революция». Одни исходят из функционалистических понятий, когда общество рассматривается как система, а революция – ее тотальное разрушение. Другие – из социально-психологических, когда в основе революционного переворота видится коллективное насилие. Третьи – из сравнительно-исторических, когда революция представляется как быстрое, фундаментальное и насильственное изменение домини-

рующих в обществе ценностей и представлений, политических институтов, принципов политического лидерства, социальной структуры и т.п. Такое многообразие методологических установок и дефиниций, нежелание исследователей «договариваться о терминах» затрудняет видение исторических реалий и перспектив, порождает новые дискуссии. Мы хотели бы, чтобы наша мысль была правильно понята: не впадая в крайности архаизации или модернизации, необходимо, как нам кажется, с большей ясностью определять понятия «революция» и «реформа», четко выделять признаки, которые характеризуют наличие революционной ситуации или ее отсутствие и т.п. На сегодняшний день в общем теоретическом плане проблема характера перехода Рима от Республики к Империи, соотношения революции и реформы в этом процессе остается спорной и далекой от решения.

